

**ПОМЕТЫ НА ПОЛЯХ ПАСХАЛЬНЫХ ТАБЛИЦ В  
САНКТГАЛЛЕНСКОМ КОДЕКСЕ № 250:  
РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ТЕКСТА**

---

Статья посвящена изучению природы пасхальных анналов в каролингскую эпоху. Исследование строится на анализе заметок на полях пасхальных таблиц в рукописи IX в. из Санкт-Галлена (Cod. Sang. 250). Делается вывод, что пасхальные анналы не являются первым этапом развития средневековой анналистики и, строго говоря, вообще не имеют отношения к историописанию. Краткие заметки исторического и меморативного характера были призваны сместить акцент с циклического на линейное время таблиц, чтобы напомнить читателям о скором завершении земной истории и побудить к размышлениям о спасении.

*Ключевые слова:* пасхальные анналы, каролингские анналы, маргиналии, средневековые рукописи, историческая культура, историческая память, средневековый монастырь

*Об авторе:* Сидоров Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания ИВИ РАН, 119334 Москва, Ленинский пр., 32-а. alexhist@mail.ru

---

Мне уже не раз приходилось писать о высокой познавательной ценности средневековых маргиналий для современной исторической науки<sup>1</sup>. Пометы

---

<sup>1</sup> Об этом, прежде всего, см.: *Сидоров А.И.* Маргиналии на полях рукописей с трудами по истории: культура текста и практики чтения в Западной Европе IX – XIII вв. // Средние века. Вып. 75. Часть 3-4. М.: Наука, 2014. С. 214-244. Также см.: *Сидоров А.И.* Маргиналии на полях манускрипта, или Как в средневековом Меце читали хронику Регинона // Средние века. Вып. 70. Часть 4. М.: Наука, 2009. С.106-129; *Сидоров А.И.* Светоний и его каролингские читатели // Средние века. Вып. 72. Часть 1-2. М.: Наука, 2011. С. 100-129; *Сидоров А.И.* Способы освоения античной исторической традиции в каролингский период (по материалам рукописей с текстом

читателей, оставленные на полях различных сочинений, представляют собой внушительный, но все еще мало изученный комплекс источников. Между тем, мало, какие иные свидетельства способны столько рассказать современному исследователю о жизни отдельных произведений на протяжении столетий и об особенностях их восприятия читателями разных эпох, а также о практиках чтения, книжной культуре и, в конечном счете, культуре мышления людей прошлого.

Пометы на полях большей частью отражают реакцию читателей на содержание основного текста. Они призваны его пояснить, уточнить, исправить, дополнить, иногда включить в более широкий литературный контекст, но, в конечном счете, сделать максимально удобным для использования. Однако в средневековых рукописях встречаются и такие маргиналии, которые демонстрируют большую самостоятельность по отношению к основному тексту, последний же используется лишь как подходящая площадка для создания оригинального нарратива<sup>2</sup>. К числу таких маргинальных записей относятся и пометы на полях пасхальных таблиц, которые обычно называют пасхальными анналами.

В современной науке прочно утвердилась

---

«Эпитомы Помпея Трога») // Люди и тексты. Исторический альманах. Античная традиция в исторической культуре западноевропейского Средневековья / Под ред. А.И. Сидорова и М.С. Бобковой. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 11-85.

<sup>2</sup> Таковы, например, исторические записи, известные сегодня как Сен-Викторские анналы, которые в течение нескольких столетий составлялись на полях астрономического кодекса. В настоящий момент рукопись хранится в библиотеке Ватикана (*Vatican, Reg. Lat. 123*). Об этом сочинении подробнее см.: *Филиппов И.С.* Анналы Сен-Виктор-де-Марсель: история текста // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении / Отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 140-158.

эволюционистская концепция развития средневековой европейской анналистики. Считается, что она зарождается в конце VII или начале VIII вв. в виде кратких, разноформатных, несистематических и разновременных записей на полях пасхальных таблиц (пасхальные анналы)<sup>3</sup>. Довольно быстро (уже в первой половине VIII в.) размеры и количество сообщений увеличились, что потребовало их выноса на отдельные страницы (малые анналы). Наконец, примерно с конца VIII в. частично на базе переработанных малых анналов появляется так называемая большая анналистика – пространный, сложно организованный и почти лишенный хронологических лакун рассказ об исторических событиях за определенный период времени<sup>4</sup>.

---

<sup>3</sup> Несколько особняком стоит мнение Д.Дамвилла, который полагает, что традиция соединения исторического нарратива и пасхалий восходит к эпохе поздней Античности и прослеживается, по крайней мере, с IV в.: *Dumville D. What is a Chronicle? // The Medieval Chronicle II: Proceeding of the 2<sup>nd</sup> International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen/Utrecht 16-21 July 1999. Amsterdam; New York, 2002. P. 1-9.*

<sup>4</sup> Об эволюционистской концепции развития средневековой анналистики подробнее см.: *Егоров Д.Н. Средние века. Историография и источниковедение. Ч. 1-2. - 1912/1913 уч. год. М., Издат. об-во при ист.-фило. фак. Моск. Высш. жен. курсов, 1916. С. 152; Poole R. Chronicles and Annals. A Brief Outline of Their Origin and Growth. Oxford, 1926. P. 26, 48, 58-61; Grundmann H. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965. S. 25-25; Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 41-42; Ganshof F.-L. L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // La storiografia altomedievale. Vol. 2 (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo, XVII). Spoleto, 1970. P. 668-670; Caenegem R.C. van, Ganshof F.-L. Guide to the Sources of Medieval History. Amsterdam; New York; Oxford, 1987. P. 30-34; McCormick M. Les annales du haut Moyen Âge. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental. Fasc. 14).*

Однако рукописная традиция заставляет относиться к общепринятой эволюционистской схеме с большой осторожностью. Начать с того, что самый ранний пример кратких средневековых анналов, известный сегодня, содержится в рукописи из Мура, созданной в Нортумбрии около 737 г.<sup>5</sup> Четыре погодных записи за 731 – 734 гг. примыкают здесь непосредственно к «Церковной истории» Беды, причем не имеют никакого отношения к пасхалиям. Скорее всего, это справедливо и в отношении других ранних англо-саксонских анналов, созданных в VIII в., но сохранившихся в рукописях более позднего времени.<sup>6</sup>

---

Turnhout, 1975. P. 12-16; *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. Paris, 1980. P. 203-204; *Jaeschke K.-U.* Annales // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 1. S. 657-658; *Reuter T.* Introduction // *The Annals of Fulda*. Manchester; N.Y., 1992. P. 1; *Keynes S.* Annals // *The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England* / Ed. by M. Lapidge, J. Blair, S. Keynes and D. Scragg. Oxford, 1999. P. 40-41. Попытки отойти от эволюционистской концепции были предприняты лишь относительно недавно. См.: *McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // *Transactions of the Royal Historical Society*. Sixth series. VII. Cambridge, 1997. P. 110-114; *McKitterick R.* History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004. P. 97-100; *Innes M., McKitterick R.* The writing of history // *Carolingian culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, 1993. P. 200.

<sup>5</sup> *Cambridge, University Library*, kk. 5.16. Об этой рукописи подробнее см.: *The Moore Bede: Cambridge University Library ms. KK. 5.16* / ed. by P.H. Blair; with a contribution by R.A.B. Mynors. (Early English Manuscripts in facsimile. Vol. 9). Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1959.

<sup>6</sup> К их числу относятся краткие погодные записи за 732-766 гг., сопровождающие «Церковную историю» Беды, которые сохранились в позднейших рукописях, а также так называемые «Северные анналы» за 732-806 гг. из Йорка, отразившиеся в компиляциях XII в. Подробнее см.: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 92-95.

Самые ранние записи на пасхалиях, которые дошли до наших дней, также имеют островное происхождение и относятся к середине VIII в.<sup>7</sup> Однако ближайшие к ним датируются временем не ранее конца X в.<sup>8</sup> Разрыв впечатляющий и труднообъяснимый, особенно если принять во внимание, что родиной средневековой анналистики обычно считается именно Британия.

Аналогичная ситуация наблюдается и на континенте. Самый ранний манускрипт с пасхальными анналами происходит из монастыря Флавиньи и датируется 816 г., т.е. он появился спустя почти три десятилетия после первой серьезной редакции *Анналов* королевства франков, которые никоим образом не были связаны с пасхальными таблицами<sup>9</sup>. На протяжении всего IX в. анналы на пасхальных таблицах остаются довольно редким явлением<sup>10</sup>. Но в X и особенно XI вв. их количество, вопреки ожиданиям, стремительно возрастает<sup>11</sup>.

---

<sup>7</sup> Речь идет о фрагменте англо-саксонской рукописи, предположительно из монастыря Веармут-Ярроу (Нортумбрия), чудом уцелевшем в Фульде в качестве переплета другого манускрипта. Подробнее см.: *Story J. The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // Anglo-Saxon England. Vol. 34. Cambridge, 2007. P. 62-64 (59-109).*

<sup>8</sup> Самым ранним из такого рода текстов считается «Миссал Леофрика» (*Oxford, Bodleian Library, Bodley 579, fol. 55v-56r*). Оцифрованная копия рукописи URL: <http://image.ox.ac.uk/show?collection=bodleian&manuscript=msbodl579> (дата обращения 19.06.2015). На полях небольшой пасхальной таблицы на fol. 53r встречаются краткие меморативные записи о смерти королей и архиепископов Кентерберии и Йорка.

<sup>9</sup> *Leiden, Universiteitsbibliotheek, MS Scaliger 28.*

<sup>10</sup> Обзор рукописей с пасхальными анналами каролингского времени см.: *McKitterick R. History and Memory ... P. 97-100; Story J. The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent ... P. 60-74.*

<sup>11</sup> В X-XI вв. тот же процесс происходит в Британии. Обзор рукописей с пасхальными анналами см.: *Гимон Т.В. Историописание ... С. 252-258.*

Напротив, от конца VIII и, особенно, IX в. осталось множество рукописей с малыми (т.е. не привязанными к пасхалиям) анналами, больше чем со всеми остальными анналами вместе взятыми. Несомненно, именно этот тип анналистики являлся ведущим в каролингскую эпоху. По мнению Р. МакКиттерик, причину данного явления следует искать в реакции локальных религиозных общин на появление официальной придворной хронистики (больших анналов), исторического нарратива, ориентированного на интересы правящей династии. Формируя в малых анналах собственный образ прошлого, тесно связанный с локальной меморативной традицией, отдельные общины отстаивали право на собственную идентичность<sup>12</sup>. Думается, однако, что было бы неправильно сводить это явление исключительно к «политической» составляющей – идеологическому противоборству центра и регионов. Сообщения малых и больших анналов далеко не всегда противоречат друг другу. Объем нарратива в малых анналах, как правило, невелик. Зачастую они и вовсе представляют собой довольно пространственные списки «пустых» лет, между которыми время от времени встречаются краткие записи. Вероятно, для составителей малых анналов не менее важной была и сама хронологическая таблица, ведущая последовательный учет лет шестого и последнего века земной жизни человечества. Впрочем, этот вопрос требует дополнительного прояснения.

В любом случае, три формы анналов не являются звеньями одной эволюционной цепи (если таковая вообще была), но представляют собой скорее самостоятельные группы текстов, находящиеся в сложных и совсем нелинейных отношениях друг с другом.

---

<sup>12</sup> McKitterick R. History and Memory... P. 20-22, 97-104; McKitterick R. Constructing the Past ... P. 110-114.

Самой недооцененной и почти неизученной группой текстов в этой триаде до сих пор остаются именно пасхальные анналы. Очевидно, в таком пренебрежении со стороны представителей академического сообщества просматривается наследие классического позитивизма с его отношением к историческому нарративу как «каменоломне фактов», а к анналистике в целом – как к жанру *историописания*. Заметки на полях пасхальных таблиц за редчайшим исключением действительно не содержат ровным счетом ничего оригинального. Они фрагментарны, малоинформативны и зачастую совершенно неоригинальны, т.е. с точки зрения классического позитивизма, еще далеко не изжитого и сегодня, почти бесполезны, поскольку не способствуют приращению нового знания. Тем не менее, средневековые читатели по каким-то причинам активно ими интересовались.

Чтобы правильно оценить место и роль записей на полях пасхальных таблиц в средневековой культуре следует, на мой взгляд, отказаться от двух вещей:

- во-первых, непременно считать пасхальные анналы разновидностью историописания;
- во-вторых, видеть в них первую ступень эволюции жанра средневековой анналистики.

Пасхальные анналы занимают собственную нишу в раннесредневековой интеллектуальной культуре. Какую? Попробуем выяснить на примере помет на полях пасхальных таблиц в одной каролингской рукописи из библиотеки Санкт-Галлена.

Кодекс № 250 датируется последней четвертью IX в. и представляет собой пространную астрономико-компутистическую энциклопедию объемом в 645 страниц<sup>13</sup>. Он относится к кругу энциклопедических

---

<sup>13</sup> St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 250. Оцифрованная копия рукописи URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0250> (дата

рукописей астрономико-компутистического содержания, которые стали во множестве появляться по поручению Карла Великого где-то после 809 г.

В состав кодекса входят: пасхальные таблицы; фрагмент *De virginitate* Альдхельма Мальмсберийского; Мартирологий Вандальберта Прюмского; *computus* с календарем и таблицами из сочинений Беды; фрагменты сочинений Беды *De natura rerum*, *De temporibus*, *De temporum ratione*; фрагменты сочинений Августина и Иеронима о вычислении Пасхи; доработанная версия латинского Арата (т.н. *Recensio Interpolata*); фрагмент из грамматики Присциана и астрономический трактат Гая Юлия Гигина.

Несмотря на то, что кодекс написан многими руками, он производит целостное впечатление и наверняка создавался по заранее продуманному плану. Считается, что пространная компиляция могла появиться на свет по инициативе Ноткера Заики в те годы, когда он занимал должность монастырского библиотекаря (880 – 890 гг.). Возможным косвенным свидетельством тому является последняя анналистическая запись на пасхальных таблицах, сообщающая о смерти императора Карла III Толстого в 889 г.

Благодаря богатому и разноплановому содержанию кодекс давно попал в поле зрения исследователей. Однако их внимание было сосредоточено почти исключительно на трудах Арата, Беды, Вандальберта и Альдхельма, иные из которых проиллюстрированы великолепно исполненными рисункам созвездий и звездного неба.

Напротив, пометы на пасхальных таблицах вполне

---

обращения 18.06.2015). Подробное описание рукописи см.: *Euw A. von. Die St. Galler Buchkunst vom 8. bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Bd. I. St. Gallen, 2008. S. 449-454.* Также см.: *Scherer G. Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen. Halle, 1875. S. 92-94.*

ожидаемо интереса не вызывали. Они, правда, были опубликованы Г. Пертцем в 1826 г., однако с ошибками<sup>14</sup>. С тех пор, кажется, никто их всерьез не изучал.

Пасхальные таблицы охватывают 532 – 1055 гг. Циклы до 999 г. написаны одной рукой исключительно черными чернилами. По-видимому, здесь же изначально обрывались и столбцы, нарисованные красными чернилами (Р. 20)<sup>15</sup>. Таким образом можно предполагать, что для кого-то из составителей рубеж актуальной земной хронологии пролегал неподалеку от указанной даты. Заключительный фрагмент написан явно позднее (последние десятилетия IX в.?) и другой рукой, а года обозначены красными чернилами. Перечень циклов продолжен сначала до 1019 (в довершение так называемых циклов Беды), а потом до 1055 г. Между 1019 и 1020 гг. помещен небольшой текст с изложением некоторых правил исчисления солнечных и лунных циклов. Пасхальные таблицы завершаются двумя рисунками небесного глобуса: вверху в центре мироздания находится земля, вокруг которой по своим орбитам движутся Солнце, луна и звезды; внизу тот же небесный глобус изображен в виде плоской модели с отдельными зонами движения небесных светил.

Все таблицы находятся в отдельной тетради объемом в 12 листов (Р. 3-26). Вероятно, до того, как стать первой частью пространного кодекса, тетрадь существовала самостоятельно и принадлежала разным владельцам (по крайней мере, двум). Надо сказать, что в VIII – IX вв. хронологические таблицы, позволявшие точно определять дату Пасхи, относились к числу наиболее популярных и распространенных текстов. Чаще всего они предназначались как раз для личного пользования, либо находились в распоряжении небольшой группы людей. Внушительное количество

---

<sup>14</sup> *Annales Sangallenses brevissimi*. XIII // MGH. SS. T. I. P. 69.

<sup>15</sup> В рукописи дается постраничная нумерация.

рукописей с пасхалиями сохранилось до нашего времени. Но анналистические записи имеются далеко не везде.

В рукописи № 250 пометы охватывают 768 – 889 гг. (Р. 11, 13-16). Всего 18 кратчайших записей, иногда в одно слово, да еще и с сокращением. Они сделаны двумя руками.

*Рука А:*

768: Pippin(u)s ob(iit)

771: Karlamann(u)s mor(itur)

814: IMP(erator) KAR(olus) OB(iit) (по мнению Г. Пертца, запись оставлена другой рукой)

816: Gozb(er)t(u)s abba eff(icitur)

831: Initi(um) basil(icae) s(ancti) galli

837: ernuuig(us) abb(as) efficit(ur)

Записи для 768 – 831 гг. почти полностью вплоть до количества букв в словах и формы сокращений совпадают с частью записей на полях пасхальной таблицы в другой санктгалленской рукописи IX в. (кодекс № 459)<sup>16</sup>. Последнюю предположительно можно отнести к первой трети столетия, а пометы – ко времени до 840 г., хотя бы на том основании, что среди сообщений отсутствует упоминание о смерти Людовика Благочестивого.

Вероятно, таблицы в кодексе № 250 *вместе* с записями на полях были скопированы переписчиком с

---

<sup>16</sup> St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 459. Р. 13-16. Оцифрованная копия рукописи URL: <http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0459> (дата обращения 18.06.2015). Подробное описание рукописи см.: Scarpatetti B.M. von. Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen. Bd. 2: Abt. III/2. Wiesbaden, 2008, S. 30-36. Также см.: Scherer G. Op.cit. S. 151. Пасхальные анналы также опубликованы Г. Пертцем: Annales Sangallenses brevissimi. XIV // MGH. SS. T. I. P. 70.

таблиц и записей в кодексе № 459. И произошло это до 874 г. (этим временем датируется следующая после 830 г. запись в кодексе № 459), но скорее всего, незадолго до указанной даты<sup>17</sup>. Позднее рукописи уже никогда не оказывались одновременно в одних и тех же руках, что подтверждается очевидным различием в количестве, форме и содержании записей. Впрочем, совпадение начальной группы записей могло иметь и другое объяснение: обе рукописи восходят к общему протографу. Однако сути дела это не меняет. Добавлю только, что практика копирования не только основного текста, но и маргиналий была в каролингскую эпоху отнюдь не редким явлением. Переписчика первой тетради кодекса № 250 вне всяких сомнений интересовали в первую очередь таблицы. Но пометы на полях столь важного текста он попросту *не мог* игнорировать и потому аккуратно перенес их в положенное место, при этом полностью сохранив их оригинальную форму.

Остановимся на записях первой группы. Они редки, предельно лаконичны и строго ограничены во времени и пространстве. Их цель – не рассказ о событиях, не описание деяний<sup>18</sup> и даже, как представляется, не удержание в памяти некоторых мгновений прошлого. Хотя природа записей явно меморативна, а сами они предельно точно определяют границы персональной и групповой *memoria* анонимного санктгалленского монаха первой половины IX в.

Речь идет, прежде всего, об основателях

---

<sup>17</sup> В санктгалленской рукописи № 459 пометы оставлены несколькими руками IX-X вв. К каролингскому времени относятся две руки: А (пометы для 768-830 гг., Р. 13, 15, 16) и В (пометы для 874-889 гг., Р. 17).

<sup>18</sup> В пометах при всем желании не удастся обнаружить никаких следов рефлексии о событиях прошлого. Именно по этой причине мне представляется крайне затруднительным относить подобного рода тексты к *историописанию*.

Каролингской империи<sup>19</sup>. К этому добавляются лишь некоторые ключевые моменты новейшей монастырской истории: избрание аббатов и закладка церкви, посвященной основателю обители. Словом, то, что автор заметок вполне мог помнить *лично*. Аббат Гоцберт (816 – 837 гг.) был важнейшей фигурой в Санкт-Галлене первой половины IX в. При нем впервые серьезно укрепляются связи с королевским двором, происходит интенсивный рост монастырского землевладения. В 830 – 837 гг. в аббатстве воздвигнут громадный собор, превзошедший величественные соборы Райхенау и Базеля. А еще именно к эпохе Гоцберта относится знаменитый план идеального каролингского монастыря, созданный в Райхенау около 825/830 специально для Санкт-Галлена<sup>20</sup>. К имеющимся записям переписчик кодекса № 250 добавил уже лично от себя запись об избрании аббата Эрнвига (или Бернвига), которой нет в кодексе № 459.

Возникает вопрос: что делают эти записи историко-меморативного характера на полях пасхальных таблиц? Неужели для того, чтобы просто *помнить* дату смерти Пипина Короткого или точный год избрания Гоцберта аббатом монастыря, нужно было использовать такую, мягко говоря, не самую подходящую нарративную площадку? Да и зачем вообще санктгалленскому монаху понадобилось фиксировать эти *хорошо известные* события, в подробной информации о которых не было недостатка? Возможный ответ следует искать в специфической нарративной природе самих пасхальных таблиц. Прежде всего, для них характерно неразрывное соединение циклического и линейного времени, причем времени сугубо

---

<sup>19</sup> Попутно отметим, что это обстоятельство свидетельствует не в пользу упомянутой выше идеи Р. МакКиттерик о противоборстве центральной и локальных традиций в каролингской анналистике.

<sup>20</sup> О плане идеального каролингского монастыря подробнее см.: Hecht K. Der St. Gallen Klosterplan. Sigmaringen, 1983.

христианского. С одной стороны, они вычисляют Пасху, с другой – отсчитывают годы от Рождества Христова. Их смысл только в одном – предельно точно определять дату Воскресения, главного события и литургического года, и новозаветной истории, в целом. События, которое не просто повторяется ежегодно, но *вспоминается* и морально проживается каждым христианином (в данном случае монахами Санкт-Галлена). Таким образом, пасхальная таблица при всей своей внешней простоте и предельно утилитарной функциональности очень содержательна, меморативна и, добавлю, эсхатологична, ведь она актуальна исключительно в рамках шестого и последнего века земной жизни человечества, который начался с Боговоплощения, а закончится Страшным судом. Случайно ли некоторые пасхальные таблицы каролингского времени, включая и нашу, так или иначе сосредоточены на 1000 годе? А иные и вовсе обрываются строго накануне этой даты<sup>21</sup>.

Можно вполне определенно говорить о том, что заметки на полях имели ту же двойственную – моральную и эсхатологическую – природу. Для образованных людей Раннего Средневековья, укорененных в христианской культуре, время не являлось абстрактной величиной, но измерялось событийностью. Сообщения о событиях, хорошо известных представителям конкретных локальных сообществ, акцентировали линейное время таблиц. Выскажу предположение, которое, к сожалению, невозможно доказать: краткие записи были одновременно и следствием глубокой монашеской медитации о конечности земного бытия (для их составителей), и поводом к такого рода духовным

---

<sup>21</sup> Такова, например, пасхальная таблица в санктгалленской рукописи первой половины IX в. *St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 732*. Таблица доведена до 999 г., хотя на странице (Р. 188) еще остается место, чтобы ее продолжить.

упражнениям (для их читателей). Как представляется, именно в таком ключе было бы правильно рассматривать также и феномен популярности малой каролингской анналистики, строго ориентированной не столько на нарратив, сколько на список лет, хотя малые анналы и не были напрямую связаны с пасхалиями. Однако вернемся к пометам в рукописи № 250. Очередная их порция сделана второй и последней рукой.

**Рука В:**

840: ludouu(icus) imp(erator) ob(iit)

841: grimald(us) ab(bas) eff(icitur)

850: scol(arius)

862: dur(us?) (в издании Г. Пертца: diaconus)

868: pr(es)b(iter) (в MGH: presbyter factum est)

871: salom(onus) ob(iit)

872: grim(aldus) ob(iit)

873: pr(esbiter)i

876: hludouu(icus) ob(iit)

882: vinu(m) abunda(t)

885: dē

889: karolus obiit

Второй человек (вероятно, именно он и продолжил пасхальные таблицы после 999 г., а также написал небольшой текст о правилах вычисления солнечных и лунных циклов) оставил вдвое больше сообщений, нежели его предшественник. Отчасти это могло быть связано с упоминанием событий исключительно современной истории. В целом, большинство помет вполне укладывается в описанную выше схему. Комментатор сообщает о смерти королей, сначала Людовика Благочестивого и затем двух представителей восточной ветви Каролингского дома, а также об избрании и смерти одного аббата Санкт-Галлена (Гримальда) и одного епископа Констанца (Соломона). Выбор тех и других не случаен. На протяжении IX в. именно эти люди очень

много сделали для процветания монастыря.

При Людовике Благочестивом в 818 г. аббатство получило иммунитет. В 833 г. Людовик Немецкий дополнил эту привилегию правом свободного избрания аббатов, а в 854 г. он отменил последние повинности монастыря в пользу епископа Констанцкого. Немалую роль в принятии такого решения сыграл аббат Гримальд (841 – 872 гг.), занимавший при Людовике Немецком должности королевского канцлера (833 – 870 гг.) и архикапеллана (848 – 870 гг.).

Карл Толстый, пожалуй, больше всех иных королей был связан с Санкт-Галленом. В 883 г. он первым из Каролингов посетил обитель и щедро ее одарил. Ноткер написал для Карла историю его собственного деда. Королеве Рихарде, супруге Карла, а также его канцлеру Лиутварду Верчелльскому выдавались книги из монастырской библиотеки<sup>22</sup>.

Однако только этими записями дело не ограничивается. Тот же человек оставил еще несколько куда более оригинальных помет. Между двумя заметками о смерти королей встречается сообщение о том, что в такой-то год удалось произвести много вина (*vinu(m) abunda(t)*). Не думаю, что здесь следует искать какие-либо христианские коннотации. Скорее перед нами невольное свидетельство хозяйственного благоденствия, видимо, достаточно редкого, если угодно, удивительного, но именно потому особенно памятного монахам. Подобно избранию аббатов, строительству церкви и смерти правителей, тесно связанных с монастырем, «винное изобилие» вполне могло являться

---

<sup>22</sup> Записи о выдаче книг сохранились на полях древнейшего каталога санктгалленской библиотеки. См.: *St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 728. P. 6-7*. О каталоге подробнее см.: *Сидоров А.И. Каролингские библиотеки: к вопросу о книжной культуре у франков // Люди и тексты. Исторические источники в социальном измерении. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 55-84, здесь С. 73-84.*

опорной точкой в потоке времени для автора заметки и его современников, хорошо *помнивших* то же самое.

Еще по крайней мере два сообщения по-настоящему уникальны. Во всяком случае, заранее было невозможно предположить, что таковые вообще встречаются на полях пасхальных таблиц. Они описывают жизненный путь конкретного человека от начала ученичества (*scolarius*) до вступления в сан пресвитера (*pr(es)b(ite)r*)) спустя 18 лет. Думаю, не будет большим преувеличением предположить, что речь идет об авторе заметок. Таким образом, к королевской и монастырской добавлялась его личная, *персональная memoria*. Отсутствие на полях имени ее носителя не делает эту память анонимной. Очевидно, комментатор точно понимал, что авторство помет не является тайной для других читателей из числа санктгалленских монахов. Равным образом он хорошо понимал, что рано или поздно тетрадь с пасхальными таблицами и его записями перейдет в другие руки, либо окажется в монастырской библиотеке для всеобщего пользования. Именно так, в конце концов, и случилось.

Следует помнить и о другом обстоятельстве. К пасхальной таблице, в отличие от многих других текстов, обращались постоянно. Отыскивая требуемый год, любой читатель неизбежно должен был пролистать почти всю тетрадь, а значит, он обязательно наталкивался на сообщения на полях. Таким образом, нельзя было придумать более надежного места для сохранения персональной *memoria*. Но повторю еще раз: эпизодические меморативные записи личного характера не являлись для составителя самоцелью. Они были призваны акцентировать линейное время пасхальных таблиц и в этом смысле принципиально ничем не отличались от всех других сообщений.

Не все заметки поддаются точной интерпретации. И если слово *pr(esbiter)i* (873 г.) почти наверняка относится к упомянутым чуть выше Соломону и

Гримальду, то в загадочном *dur(us?)* (862 г.) мне никак не удастся разглядеть какой бы то ни было формы латинского *diaconus*, как это сделал Г. Пертц. Можно было бы предположить, что таким образом комментатор обозначил какой-то особенно трудный год. Но, судя по сообщениям больших анналов и некоторых других параллельных текстов, в тот год в землях восточных франков не случилось ничего экстраординарного. Остается предполагать, что «трудным» он оказался в жизни самого автора. Равным образом не удастся убедительно интерпретировать и сокращенное *dē* (885 г.).

Итак, пометы на полях пасхальных таблиц в кодексе № 250 создавались двумя людьми. Первый скопировал из протографа несколько заметок вместе с таблицами, и кое-что добавил от себя. Второй продолжил расставлять опорные точки на полях, но действовал иначе. Наряду с привычными сообщениями о смерти королей, избрании и смерти аббатов он оставил ряд помет, имевших отношение к его личной биографии.

Пометы, независимо от их содержания, серьезно трансформировали темпоральную природу пасхальных таблиц, смещая акценты с циклического (строго говоря, зарезервированного только за Христом) в сторону линейного, конечного и необратимого времени простых смертных. Однако таким образом не просто изменялся смысл основного текста, сосредоточенного исключительно на Воскресении. По сути, рождался новый, *третий* текст, несводимый ни к одной из своих основ. Этот текст отражал эсхатологические ожидания современников. Как представляется, он должен был напоминать читателям о близком завершении земной истории, побуждать его к размышлениям о Страшном суде и, конечно, о пути к Спасению, указанному Христом.

### *Литература*

*Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и

- Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. Ч. 1-2. - 1912/1913 уч. год. М., Издат. об-во при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов, 1916.
- Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Сидоров А.И.* Каролингские библиотеки: к вопросу о книжной культуре у франков // Люди и тексты. Исторические источники в социальном измерении. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 55-84.
- Сидоров А.И.* Маргиналии на полях манускрипта, или ак в средневековом Меце читали хронику Регинаона // Средние века. Вып. 70. Часть 4. М.: Наука, 2009. С.106-129.
- Сидоров А.И.* Маргиналии на полях рукописей с трудами по истории: культура текста и практики чтения в Западной Европе IX – XIII вв. // Средние века. Вып. 75. Часть 3-4. М.: Наука, 2014. С. 214-244.
- Сидоров А.И.* Светоний и его каролингские читатели // Средние века. Вып. 72. Часть 1-2. М.: Наука, 2011. С. 100-129.
- Сидоров А.И.* Способы освоения античной исторической традиции в каролингский период (по материалам рукописей с текстом «Эпитомы Помпея Трога») // Люди и тексты. Исторический альманах. Античная традиция в исторической культуре западноевропейского Средневековья. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 11-85.
- Филиппов И.С.* Анналы Сен-Виктор-де-Марсель: история текста // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 140-158.
- Caenegem R.C. van, Ganshof F.-L.* Guide to the Sources of Medieval History. Amsterdam; New York; Oxford, 1987.
- Dumville D.* What is a Chronicle? // The Medieval Chronicle II: Proceeding of the 2<sup>nd</sup> International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen/Utrecht 16-21 July 1999. Amsterdam; New York, 2002. P. 1-9.
- Euw A. von.* Die St. Galler Buchkunst vom 8. bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Bd. I. St. Gallen, 2008.
- Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // La storiografia altomedievale. Vol. 2 (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo, XVII). Spoleto, 1970.
- Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen,

1965. P. 631-685.

*Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. Paris, 1980.

*Hecht K.* Der St. Gallen Klosterplan. Sigmaringen, 1983.

*Innes M., McKitterick R.* The writing of history // Carolingian culture: Emulation and Innovation. Cambridge, 1993. P. 193-220.

*Jaeschke K.-U.* Annales // Lexikon des Mittelalters. Bd. 1. S. 657-660.

*McCormick M.* Les annales du haut Moyen Âge. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental. Fasc. 14). Turnhout, 1975.

*McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // Transactions of the Royal Historical Society. Sixth series. VII. Cambridge, 1997. P. 101-129.

*McKitterick R.* History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004.

The Moore Bede: Cambridge University Library ms. KK. 5.16 / ed. by P.H. Blair; with a contribution by R.A.B. Mynors. (Early English Manuscripts in facsimile. Vol. 9). Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1959.

*Keynes S.* Annals // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England / Ed. by M. Lapidge, J. Blair, S. Keynes and D. Scragg. Oxford, 1999.

*Poole R.* Chronicles and Annals. A Brief Outline of Their Origin and Growth. Oxford, 1926.

*Reuter T.* Introduction // The Annals of Fulda. Manchester; N.Y., 1992.

*Scherer G.* Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen. Halle, 1875.